

СОФИ БОМОН

ТАЙНЫЙ САД В ПАРИЖЕ

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44 Б87
Б80

Sophie Beaumont
A SECRET GARDEN IN PARIS

Перевод с английского Михаила Левина

Дизайн обложки Валерии Колышевой

Бомон, Софи
Б80 Тайный сад в Париже : роман / Софи Бомон ; [пер. с англ. М. Левина]. — М. :
Издательство АЗБУКА 2025. — 336 с. — (Горячий шоколад. Зарубежная кол-
лекция).

ISBN 978-5-389-28079-3

Цветущая весна в Париже... Прекрасный сезон для перемен.

Эмма недавно потеряла мать и вернулась во Францию, к своим корням, чтобы наладить отношения с бабушкой и, быть может, все-таки раскрыть тот семейный секрет, который мама не успела рассказать перед смертью.

Шарлотта приехала в Париж, чтобы собраться с мыслями: кажется, ее счастливый брак дал трещину, и нужно разобраться, что с этим делать.

Тем временем коренная парижанка Ариэль пытается понять, готова ли она открыть сердце новому человеку, ведь с момента гибели ее мужа прошло всего пару лет.

Трех этих прекрасных женщин объединяет одно: истинная любовь к цветам и садам Парижа. На дорожках маленьких уютных садиков и легендарных городских парков им предстоит не только познакомиться друг с другом и завязать по-настоящему прочную дружбу, но и принять решения, которые переменят их жизни.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44 Б87

ISBN 978-5-389-28079-3

© Sophie Masson, 2024
© Левин М., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

*La fleur est courte, mais la joie qu'elle
a donnée une minute, n'est pas des ces
choses qui ont commencement et fin.*

*На мгновение расцветает цветок,
но радость, которой наполняет он
минуту, — не из тех ли вещей, что
ни начала, ни конца не имеют?*

Поль Клодель

Глава первая

Рассвет только брезжил сквозь шторы, но сна у Эммы Тейлор не было уже ни в одном глазу. Она проснулась час назад и как ни старалась не открывать глаз и ни о чем не думать, сон не возвращался.

Оставив наконец надежду снова заснуть, Эмма встала, набросила на плечи старомодный бархатный халат, который одолжила ей Матти, босиком подошла к окну и раздвинула шторы.

Окно спальни выходило в раскинувшийся за домом сад, и в розоватом золоте раннего утра его буйно разросшаяся зелень казалась неуловимо волшебной. Сад не был велик, но когда-то и на этой паре сотен квадратных метров умещалось довольно красоты. Мягкая трава, на которой так приятно сидеть, у стены большая глициния — ее было видно еще даже сейчас, — а также кусты роз и гортензии. Тщательно ухоженные клумбы пестрели цветами с ранней весны до поздней осени. В саду были и съедобные растения вроде помидоров и пряных трав. Этот сад был

гордостью и радостью деда Эммы, Алена, но деда уже два с половиной года не было, и сад постепенно приходил в запустение, зарастал сорняками и высокой травой. Чтобы снова привести его в порядок, потребовалось бы немало труда. У бабушки Матти на это просто не хватило бы сил.

Открыв окно, Эмма вдохнула свежий утренний воздух.

Через высокую стену сада доносились звуки пробуждающегося Парижа. К этим звукам она уже почти привыкла, хоть и прилетела с другой стороны земного шара всего неделю назад и еще не отошла от смены часовых поясов. Это был целый коктейль из механических шумов: на бульварах начиналось утреннее движение, на ближайшей станции метро рокотали поезда, шуршали шины проносящихся по улице машин, приглушенно стучали двери фургонов, доставляющих товары в магазины, а временами слышался отдаленный вой сирен полиции или скорой. Но в эту ткань вплеталось переливчатое пение птиц — дроздов, камышовок, малиновок, рябинников и крапивников, — сливающееся в рассветном хоре. Их было слышно, но не видно: они прятались в саду и в листве окрестных деревьев. В голове у Эммы возникла картинка из прошлого: ее мать еще маленькой девочкой стоит у этого же окна, слушая пение птиц.

К горлу подкатил ком, и Эмма уже хотела было отвернуться, но тут ее внимание привлекло мелькнувшее внизу яркое рыжее пятно. «Осенью здесь соизволил поселиться мсье Леру, — сказала ей Матти в самый день приезда, — но твердого распорядка у него нет, и когда он покажется, заранее неизвестно».

— Бонжур, мсье Леру, — шепнула Эмма вслед рыжей белке, мелькнувшей в траве и исчезнувшей в кустах.

Мсье Леру — господин Рыжик. Бабушка частенько давала имена мелким зверькам. Что-то в ней было детское, в Матти, что-то умильное и ясноглазое.

Эмма не помнила их первой встречи: когда французские бабушка и дедушка приехали в Австралию, ей было три года. Это был их единственный приезд. А сама Эмма была в прекрасном старинном доме деда и бабки, приткнувшемся на тихой улочке в седьмом арондисмане Парижа, всего два раза.

Когда ей было семь лет, ее отчим Пэдди убедил мать, Коринну, навестить родителей — так Эмма попала в Париж первый раз. Из трех этих похожих на сон недель Эмма запомнила не так много: уютный дом со множеством лестниц, медленную улыбку и медленную речь деда, экстравагантные манеры и одеяния бабушки, совершенно отличные от строгой элегантности матери, и элегантную мать. Еще Эмма запомнила, как каталась на пони и пускала игрушечные деревянные кораблики в Люксембургском саду, недалеко от дома, как бабушка рассказывала о статуе танцующего фавна — а Эмма слушала ее с восторгом. Помнила божественные пирожные из местной кондитерской — таких шоколадных эклеров она не ела ни до ни после, — помнила катание на метро и маленький зоопарк в Ботаническом саду. Помнила, как играла в домашнем садике, а рядом дедушка выпалывал сорняки.

А потом они вернулись домой, в Австралию. Время шло и шло. Незаметно закончилось детство, а в Европу они так больше и не ездили. У Матти открылась болезнь сердца, и летать ей стало затруднительно, так что в Австралию бабушка с дедом тоже не приезжали. Переписывались — Эмма обязательно писала письмо на Рождество, —

и перезванивались на дни рождения, но не более того. В детстве Эмма не особенно интересовалась отношением матери с родителями, а позже, если у нее и возникали вопросы насчет французского прошлого матери, вслух она их не задавала. Так что дед и бабушка остались приятными, но не слишком четкими образами в воспоминаниях Эммы о первой поездке в Париж. Она не ощущала особой потребности снова с ними увидеться... А может быть, некоторая отстраненность матери от родителей повлияла на Эмму больше, чем она сама осознавала.

Как бы там ни было, но снова Эмма попала в Париж только два с половиной года назад — на похороны деда Алена. Прилетела вместе с матерью, и они остались в городе на десять дней. Это было тяжело, и не только из-за печального повода.

Пэдди не мог приехать из-за работы, Эмму Коринна тоже не хотела брать с собой, но в этот раз Эмма уперлась. Она не могла точно сказать, почему мать согласилась: то ли неуступчивость дочери застала ее врасплох, то ли она оказалась уязвимей, чем позволяла себе признать. Утрата отца — это серьезное событие, какими бы сложными ни были отношения, и печаль Коринны была искренней. Эмма надеялась, что теперь отношения между матерью и бабушкой переменятся к лучшему, но уввы: по приезде во Францию оказалось, что старые стены стоят высоко и прочно. Коринна старалась не огорчать мать, но было видно, что это стоит ей усилий, и Матти наверняка тоже это видела, хотя ни разу не упрекнула дочь.

Иногда казалось, будто жизнь у матери по-настоящему началась только тридцать два года назад, когда она ступила на землю Австралии или когда через несколько меся-

цев встретила Пэдди. Коринна довольно охотно говорила о своей жизни в Австралии до и после рождения Эммы. Про детство она тоже иногда рассказывала, но годы ее отрочества и период до отъезда из Франции оставались для Эммы закрытой книгой, а ответом на ее вопросы было лишь молчание. Об отце Эммы мать никогда не говорила ничего, кроме того, что с ним у нее не сложилось.

Эмма всегда воспринимала Пэдди как родного отца. Он был с ней с самого ее младенчества — надежный, добрый, веселый, полный любви. Любви к ней и к ее матери, а все остальное было неважно. Но теперь...

Она отвернулась от окна, и взгляд ее упал на фотографию на каминной полке. Черно-белый снимок матери, еще совсем юной, лет семнадцати. Она лежала в высокой траве и смеялась, подпирая подбородок ладошками. Ее голову украшал веночек из ромашек. Красивая картинка, но глаза у Эммы наполнились слезами.

— Эмма? — донесся с порога голос бабушки, неожиданно для такой миниатюрной женщины глубокий и сильный. — Не спишь, *ma chérie*? Я подумала, в такое холодное утро неплохо было бы согреться горячим шоколадом.

Эмма сморгнула слезы.

— Звучит заманчиво, Матти, — сказала она.

На самом деле для майского утра было не так уж и холодно, но Эмма усвоила, что бабушка у нее *frileuse* — мерзлячка. Сама Эмма предпочла бы кофе, но его она выпьет и потом, а пропускать утренний ритуал не хотелось. Ей нравилось смотреть, как Матти хлопочет возле кастрюльки, предназначенной для горячего шоколада, и болтает о всякой всячине, давая возможность Эмме присоединиться к разговору, когда захочет.

В такие минуты Эмма осознавала, как много упустила. А еще понимала: она правильно поступила, что наконец приехала.

* * *

А на другом берегу Сены бежала по тихим зеленым улицам Шарлотта Мариньи. В наушниках у нее играл специальный парижский плейлист для пробежек: эклектичная смесь классических парижских песен — Пиаф и Брель — и щепотки французского рока старой школы, вроде Джонни Холлидея и Мишеля Полнарева. А еще, просто для смеха, *Ça plane pour moi*¹, забавная и привязчивая панковская песенка Пластика Бертрана. Шарлотта помнила, как в детстве подпрыгивала от радости, когда старший брат-подросток Николя впустил ее в свой музыкальный мир. Это чудо одного хита имело во Франции культовый статус, но теперь Николя давно перерос и его, и ту выкрашенную в блонд прядь волос, которую носил в то время в честь любимого певца. Теперь у него была какая-то солидная работа в Европейском парламенте в Брюсселе, и он говорил о ней так самодовольно, что Шарлотта о ней и не спрашивала. Сейчас она остановилась у их общей тетки Жюльет в шестнадцатом арондисмане. Сама Жюльет поехала в Прагу повидаться со старым другом — как подозревала Шарлотта, бывшим любовником. Тетка явно поняла, что у Шарлотты что-то произошло, потому что предложила племяннице оставаться у нее сколько понадобится, но допытываться, отчего Шарлотте так внезапно потребовалось уехать из дома, не стала.

¹ Все складывается круто для меня (*фр.*).

Солнце уже взошло, и город пробудился по-настоящему. Вовсю работали булочные, и каждый раз, когда их двери открывались и выходили покупатели со свежим багетом под мышкой или круассанами в руках, на улицу волной выливались теплые аппетитные запахи. Рабочие утренних смен выстраивались в очереди возле окошек кафе — взять с собой чашечку черного кофе и выпить ее по дороге на работу, — а киоски и лавочки еще только готовились к открытию. Свернув в переулок, Шарлотта оказалась у реки, где гуляли с питомцами собачники да пробегал иногда такой же джоггер. У набережных тихо плескалась серебристо-серая вода, да случайный кораблик вдалеке медленно пыхтел куда-то по своим делам. Шарлотта остановилась перевести дух и глотнуть воды из бутылки, висевшей у нее на поясе. Поглядела на другой берег — и на миг снова поддалась очарованию этого города. Когда-то это был ее город, место, где она родилась и выросла.

Но уже много лет ее домом был Лондон. Там она вышла замуж, вырастила детей, основала очень успешное предприятие по ландшафтному дизайну. Этот город она со временем полюбила — совсем иначе, чем Париж, но почти так же сильно.

«Этот парижский плейлист — сплошная ностальгия», — подумала она, делая последний глоток и убирая бутылку. А вот лондонский плейлист — это воплощение деловой жизни и уверенности в своей работе, в своем браке, в своих детях...

Перед ее внутренним взором промелькнуло лицо, и Шарлотта чуть не застонала от слишком знакомой ей боли и замешательства. Сильнее вдавив наушники и добавив

громкости, она снова пустилась бежать, еще быстрее, чем раньше, словно стараясь обогнать свои мысли.

Впервые за много-много лет Шарлотта Мариньи понятия не имела, что ей делать.

* * *

В нескольких станциях метро от Шарлотты Ариэль Люнель тоже перешла на бег и успела вскочить в стоявший на платформе поезд. Вагон был уже набит людьми, и Ариэль понадеялась, что пот, стекавший по шее ей на спину, не будет слишком сильно пахнуть. *Ouf*, зато хоть на работу не опоздает, а детей в школу выпроводит как обычно. А Полина — она переводчица и работает из дома.

Как правило, Ариэль не доводила дело до такой спешки, но почему-то именно сегодня у нее не сработал будильник, и дальше все пошло наперекосяк. Одиноким работающей матери двух энергичных деток и так нелегко организовать повседневную жизнь, да еще, по сути дела, не у себя дома. Сестра никогда и слова не сказала об этом их вторжении в ее тихую и упорядоченную квартиру, но иногда во взгляде у Полины мелькала затаенная усталость, и Ариэль начинали мучить угрызения совести.

Она была от всей души благодарна Полине, ведь ради нее сестра снова отставила в сторону собственную жизнь. Когда не стало родителей, Полине было всего двадцать, но она энергично и самоотверженно заменила тринадцатилетней сестре и отца, и мать. Двадцать пять лет спустя, когда Людовик погиб в автокатастрофе и Ариэль, потрясенная его гибелью, узнала еще и про гору долгов, которые муж втайне от нее наделал, Полина предложи-

ла Ариэль с трехлетними близнецами поселиться у нее. Для уплаты долгов Ариэль пришлось продать почти все, что имело хоть какую-то ценность. Больше всего ей было жалко любимую цветочную лавку, которую она открыла еще задолго до замужества. А еще пришлось съехать из большой квартиры, которую они снимали в четвертом арондисмане.

Квартира Полины в восемнадцатом находилась на приличном удалении от теперешней работы Ариэль — она управляла одной из лавочек на цветочном рынке на острове Сите, — зато она хотя бы вносила свой вклад в оплату квартиры и текущие расходы, и даже на угощения еще немножко оставалось. Квартира была разумного размера, с двумя спальнями, плюс маленький кабинет, в котором сделали комнату для Ариэль. Близнецам пришлось жить в одной комнате, но им нравилось, хотя по характеру они были очень разные: Алиса — открытая и порывистая, Луи — помягче и посдержанней.

Медленно прошел год, потом другой, и жизнь вошла в эту новую колею. Три года спустя после смерти Людо Ариэль все еще по нему тосковала, но горе смягчилось, его острота прошла, оставив лишь тупую ноющую боль. Рожденные от него дети освещали ее жизнь. А управление магазином мсье Ренана на цветочном рынке, на которое она согласилась временно и, в общем, за минимальную зарплату, не только превратилось в постоянную работу, но и стало куда лучше оплачиваться и приносить удовлетворение, которого Ариэль поначалу даже не ждала.

Это было не то же самое, что держать собственный цветочный магазин, но и здесь были свои приятные моменты, да и напряжение, надо признать, было меньше, чем

в собственном бизнесе. Тем более что мсье Ренан предоставил ей практически полную свободу. Была только одна проблема — и касалась она даже не самого магазина, а...

Двери поезда открылись, люди высыпались на платформу. Но дальше поезд не поехал — видимо, что-то случилось. Ариэль оставалась только одна станция, и она решила выйти здесь. Если прибавить шагу, она все равно успеет до открытия.

К несчастью, толпа оказалась гуще, чем на первый взгляд, и, когда Ариэль наконец добралась до моста на остров и поспешила к рынку, она увидела, что Жак Велла уже на месте и без необходимости хлопочет у своей витрины. Увидев ее, он приподнял брови и многозначительно постучал по циферблату часов.

Она оставила его жест без внимания, небрежно кивнула в знак приветствия и поспешила к своему магазину. Удовольствие от начала дня уже омрачилось раздражением. Ну почему этот человек все время к ней цепляется?

Глава Вторая

Накануне смерти Коринны Эмма была на выезде, на съемках для «Торнтонз» — в этой компании по торговле предметами искусства и антиквариата она работала менеджером по цифровым СМИ. В разгар съемки великолепного и очень редкого набора керамики Клариссы Клифф, найденного на чердаке местного дома, Эмме позвонили из сиднейской больницы. Медсестра сообщила, что мать ее зовет, что она сильно возбуждена и хочет сказать дочери нечто важное, и хорошо бы, если бы Эмма поскорее завершила съемку и вернулась в Сидней.

Ехать ей было часа три, но судьба распорядилась иначе. Эмму задержала автомобильная авария на шоссе, и в больницу она попала только через пять часов. Медсестра встретила ее с посеревшим лицом: у Коринны случился обширный инсульт, она была без сознания.

Мать умерла на следующий день. И хотя онкологический диагноз Коринны не оставлял надежды и Эмма была готова к чему-то такому уже не первый месяц,

неожиданность произошедшего ошеломила. На фоне глубокого горя ощущалось едва заметное облегчение: наконец-то страдания матери прекратились. Но было и еще одно чувство, которое грызло ее до сих пор. Мать хотела сказать ей что-то важное, а она не дала ей такой возможности. Не твоя вина, твердил ей Пэдди, и разум подсказывал, что он прав. Но в сердце прочно поселилось чувство вины. Если бы она только добралась быстрее! Эмма не сомневалась, что мать хотела сказать ей что-то о прошлом, может быть, даже открыть тайну, что так долго хранила: личность ее биологического отца.

Пэдди понятия не имел, что хотела бы Коринна сказать дочери или кто был ее биологическим отцом — потому что ни того ни другого Коринна ему никогда не рассказывала. «И мне так было лучше», — сказал он ей с грустной честностью.

Единственная зацепка, которая была у Эммы, — та давняя фотография матери в высокой траве. Она в тот день стояла у Коринны на больничной тумбочке, будто приготовленная как реквизит для рассказа.

Этой фотографии Эмма никогда раньше не видела, а Пэдди видел только однажды. «Она сказала, что это снято во Франции, перед ее отъездом сюда, — пояснил он. — Не в Париже, а где-то в деревне, на каникулах».

Его слова определенно подтверждал фон фотографии — луг с церковью или остроконечной башней на заднем плане. И еще надпись на обороте незнакомым почерком — не принадлежащим Коринне. Написано было просто *un jour de printemps* — весенний день. Кто это написал, Пэдди тоже не знал, да и вообще ничего больше не знал. «Ты же помнишь, какая она была, — добавил

он. — Если она не хотела чего-то говорить, то просто не говорила».

Эмма отлично это знала. Как ни любила Коринна свою дочь, человеком она была замкнутым, даже скрытным. Поэтому тот факт, что она была готова открыться, был удивителен вдвойне, и Эмма никак не могла перестать об этом думать.

Через четыре недели после похорон она поехала в Париж погостить у бабушки. На этом настояла сама Матти, инстинктивно понимавшая, что внучке сейчас нужно побыть с нею, в том доме, где выросла Коринна. Пэдди тоже поддержал идею и велел Эмме о нем не волноваться, потому что за ним присмотрят его три энергичные сестры. И они, и их семьи все эти последние месяцы были для Пэдди источником силы.

В Париже, в доме Матти, у Эммы с самого начала возникло ощущение, что все правильно. В прошлый раз Эмма пыталась быть посредницей в непонятной ситуации, из-за чего возникала неловкость, но теперь ее не было: жить у бабушки было и комфортно, и абсолютно естественно. Эмма легко влилась в ее легкий и мирный распорядок дня, и ей казалось, будто она собирает утерянные нити своей первой поездки в Париж, во время которой она начала ткать свои отношения с Матти — еще более драгоценные тем, что продержались так долго. Сегодня после легкого завтрака — кофе и свежий багет с маслом и джемом — Эмма пошла с Матти на местный рынок и по магазинам. Бабушку тут явно хорошо знали и радостно приветствовали в людных лавках и киосках.

В первый их совместный выход Матти с гордостью представляла каждому свою внучку, и через неделю Эмма

была уже полноправной местной жительницей — с ней здоровались, называли по имени, спрашивали, как дела.

Это было так похоже на их с Пэдди субботние походы по магазинам — в захолустном городке, где прошло ее детство, он часто останавливался поболтать со встречными. Когда Эмма об этом сказала, Матти улыбнулась и ответила:

— Париж, по сути своей, — это несколько деревень, которые слились в одну. И каждому из нас, как любому сельскому жителю, уютнее всего в своей. Такова человеческая натура.

«*Не у всех*», — подумала Эмма, вспомнив, как сухо и деловито делала покупки мать. С Эммой и Пэдди она по субботам не ходила — говорила мужу, что эти вечные остановки и пустой треп для нее невыносимы. Она знает, говорила она, что Пэдди, любимый врач этой дружной общины, должен проявлять интерес к делам каждого из своих пациентов, но она, Коринна, работает в системном управлении местного совета и не обязана проявлять интерес, которого не испытывает. Пэдди с улыбкой отвечал, что он не притворяется, но Коринна лишь иронически приподнимала бровь. Интересно, каково же ей было ходить тут с разговорчивой матерью? Наверное, не очень.

С другой стороны, Коринна ведь состояла в браке с человеком, социальный темперамент у которого был точь-точь как у ее живущей за полмира от нее матери, и брак был счастливым.

Очень сложными бывают люди.

Еще один парадокс: хотя Коринна уже не считала Францию родиной, она тщательно проследила, чтобы дочь научилась не только говорить, но и читать, и пи-

сать по-французски. И слава богу, потому что в общении с Матти французский был необходим — бабушка говорила только на нем. И как же много они в те первые дни разговаривали! Матти любила слушать рассказы Эммы о детстве, а внучка, перебирая фотографии из старого семейного альбома и давние детские рисунки, заслушивалась рассказами о детстве матери. Матти когда-то работала иллюстратором и до сих пор время от времени вела дневник, в котором вместо записей были рисунки. Ее блокноты были заполнены набросками Коринны в детстве — как она играет, читает, спит. Эти бытовые моменты из жизни матери трогали Эмму до глубины души.

Но пока что Матти только вскользь упомянула о случившемся тридцать два года назад отъезде Коринны из Франции. Она уверила Эмму, что никакой крупной размолвки между ними перед этим не было. Родители знали, что Коринну тянет посмотреть мир. Знали, что она едет в Австралию по рабочей визе и пробудет там около двух лет. Но они и понятия не имели, что их дочь беременна.

На самом деле Коринна и сама этого не знала, потому что месячные у нее часто запаздывали и в целом не отличались регулярностью. О своей беременности она узнала только в Австралии, через месяц после приезда, когда сходила к врачу. А родителям сообщила о рождении дочери, только когда Эмме исполнилось три месяца. Почему — Эмма точно не знала. Может быть, Коринна боялась, что они будут убеждать ее сделать аборт. Или уговаривать вернуться. А может, просто была не готова рассказывать.

Шло время. Пэдди взял на себя ее финансовую поддержку, и она осталась в Австралии. Коринна не разорвала

связь с родителями: они вели достаточно регулярную переписку, иногда перезванивались, но ясно дала им понять, что живет она теперь в Австралии.

И постепенно такое положение дел стало привычным.

* * *

За простым, но очень вкусным ланчем — жареная рыба с травами, купленными на рынке — разговор вскоре принял интригующий оборот. Матти спросила Эмму о работе в «Торнтонз», и Эмма сказала бабушке, что получила работу случайно: сотрудники фирмы набрали в соцсетях на ее посты о находках, сделанных в антикварных лавках и благотворительных магазинах. А Матти вдруг улыбнулась и сказала:

— Знаешь, Ален когда-то держал магазин, где продавались всякие такие вещи.

Насколько было известно Эмме, дед практически всю жизнь проработал в газетной типографии.

— Впервые слышу. А когда это было?

— За пару лет до нашей свадьбы. Там мы и познакомились, в конце шестидесятых. Мне было двадцать пять. Я в тот день ходила к реке на этюды и набрела на его магазинчик — это недалеко отсюда. — У нее заблестели глаза. — Восхитительное было место. Каждый квадратный миллиметр набит необычной стариной, которую он собирал по всей Франции, а единственным посетителем оказалась я. Мы разговорились, и очень скоро я поняла, что он самый интересный мужчина, какого мне доводилось встречать, а еще — что он не имеет ни малейшего понятия о рекламе. И я предложила ему, что возьму это на себя.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Бомон Софи

ТАЙНЫЙ САД В ПАРИЖЕ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *М. Торгашева*
Художественный редактор *В. Кольшиева*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Л. Асанова, Н. Быкова*
Верстка *Е. Зеленина*

В оформлении обложки использованы иллюстрации
© alenasav4 / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылады 27.10.2025.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура «Minion Pro».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,53.
Тираж 3000 экз. Т-НСН-37093-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сайкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

